Работа души

Расулу Гамзатову — 60 лет

Я снова листаю книги Расула Гамзатова, и передо мной проходят дни, годы, десятилетия его удивительно яркой, емкой жизни, которая вобрала в себя страсти и взлеты, сомнения и горести людей. Рано коснулось его своим огненным крылом вдохновение, пробудив в нем дар стихотворца. Очень рано пошел, как принято говорить, по стопам отца средний сын народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. С тех пор началась работа его души, работа, подчинившая себе всю его сущность. Пошел он «по стопам», но вскоре обрел свою дорогу. Еще какую дорогу!

Расул Гамзатов как-то говорил, что его стихи болели всеми болезнями, начиная с детских. Это ему лучше знать. Он их родитель. Но одно очевидно: его стихи никогда не болели бездумным бодрячеством, приторной взволнованностью, убожеством чужих мод, многозначительной бессодержательностью. Очевидно и другое. К его поэзии зрелость пришла незамедлительно. Она пришла задолго до того, как поэт обрел смелость вопрошать себя:

...Какую плоть я прячу под рубахой?
Какую душу я в себе ношу
И голову какую под папачой?..

Скажи, народ мой, правды не тая,
В моих стихах жива ль душа твоя?
И гордость горцев мудрых и простых
Проникла ль в существо живое их?

Вопрос рискованный. Но не поставив перед собой такого вопроса, поэт не может идти дальше. И некому на него ответить, кроме того, кто сам поставил его. Отвечать обязан всякий раз, отвечать до конца жизни. Одни большие таланты становятся крупными поэтами в той или иной литературе, а другие — крупными, порою великими поэтами в народе, в стране, в мире. Первым невдомек спрашивать: «В моих стихах жива ль душа твоя?» Была бы своя душа жива. А вторые веруют в народную душу, вместе с ней ликуют и страдают. Более того, с ней спорят, спорят горячо во имя ее же совершенства и высших ее идеалов. Расул Гамзатов принадлежит к последним.

Творчество Расула Гамзатова завидно самобытное, подлинно национальное по своему облику и складу. Его корни уходят в глубь духовного бытия горцев — прежде всего и современного. От слож-

ных систем образов до незначительных деталей в нем присутствуют ярко национальное мышление и эстетическое воззрение. Иногда мне кажется, что поэт с жадностью и азартом открывает свой народ для себя, познавая его самозабвенно, любит его им.

Силою своего таланта он убедил людей разных широт и разных судеб в том, что художественные и нравственные завоевания небольшого народа, его мудрость и честь являются частью их духовного богатства. Он, открывая свой многоязычный Дагестан для себя, открыл его для всех, будто сказав: «Все красивое и разумное, что у нас и в нас, — это ваше!» Другие приняли это не как случайный дар, а как свое достояние. Вот тогда именно национальный поэт становится певцом человечества. Когда мы думаем о Пушкине, чаще всего забываем, что он русский. Он просто Пушкин, открывший целый мир. Он — твой! Когда нет открытия своего народа, восхищения им и художественного воссоздания его характера, значит, пока еще национальная литература не состоялась. В том, что состоялись значительные литературы народов Дагестана, в первую очередь великолепная аварская поэзия, неocenима заслуга Расула Гамзатова.

И в который раз я со святой любовью и преданностью думаю о великом русском языке, благодаря которому не разбредлись и не затерялись в одиночестве наши языки и наречия. Через себя пропуская наши думы и чувства, он делает их доступными миру. Какой урон понесло бы поэтическое искусство земли, если голос Расула Гамзатова, равно как и голоса, к примеру, Кайсына Кулиева и Чингиза Айтматова, не достигли желаемого горизонта! Причастности в любой форме к этому языку обязывает быть чуть больше себя и чуть лучше. Когда в мир введет тебя русский язык, надобно быть его достойным. В блестящих переводах своих русских друзей Расул Гамзатов достоин его.

Прожитые годы дают некоторое право на воспоминания. Расул Гамзатов вошел в мою жизнь через окно больничной палаты потому, что был неурочный час и в дверь его не пустили. Это случилось через три года после войны, в Москве, куда привел меня мой фронтальной недуг. До этого мы с ним мельком виделись на первом Всесоюзном

совещании молодых писателей, а стихи его мне уже нравились. Видя меня, лежащего в постели, Расул не утешал меня. Он лишь сказал: «Вставай, джигит! Тебя ждет оседланный скакун». Он это так сказал, что я сразу поверил: у ворот стоит мой фронтальной конь. Расул ушел, оставив приведенного с собой коня. Вот уже 35 лет стоит поблизости его надежный конь, готовый умчать меня на праздники и уносить от бед. Со своими книгами и всем своим человеческим существом вошел Расул в мой мир, в сердца моих сородичей. Кстати, откуда бы я ни возвращался — из заморских стран или соседней республики, они спрашивают: «Как там Расул?» По их понятиям, Расул должен быть везде. И они правы.

Меня всегда изумляет его власть над своим буйным, искрометным, норвистым талантом. Как он умеет заставлять его трудиться, словно послушного тяжеловоза, не боясь перегрузки! Это за письменным столом. Он не дает ему покоя и передышки и за шумным застольем, и за тихой дружеской беседой, и в мимолетном разговоре, и в ответе на случайный вопрос. Покой таланта — понятие для него неприемлемое. Иной стихотворец, написав несколько строф, спешит оповещать о том всех: «Я написал!..» В назидание себе и другим напоминаю, что Расул Гамзатов никогда заранее не скажет, что написал, сколько написал вчера, позавчера, неделю назад... Он поет, как соловей, не обнаруживая своего местонахождения и, разумеется, не ведая счета своим песням.

Стремителем был взлет Расула Гамзатова в поэзии, настолько стремителем, что порою бывало тревожно и страшновато за него — удержится ли, выдержит ли испытание ранним признанием и славой. Он выдержал, утвердился и пошел дальше. Это уже было подвигом зрелого мужа. Иначе не могло и быть. Чем упорнее он продолжал свое восхождение, тем глубже проникал в гущу народной жизни, тем ближе становились ему — гражданину и коммунисту — великие и малые заботы страны и мира, тем задумчивее и мудрее звучал его голос. Если праздник духа в нем присутствует всегда, то праздность — никогда. Потому ему любая высота не была противопоказана. С годами его дарование об-

ретало более широкий эпический размах. К прежним поэмам прибавились его блистательно написанные горские предания и сказания, появилась книга «Мой Дагестан».

Если талант подлинный, то он дерзок во всем. Горский поэт, верный традициям, истокам, особенностям своей родной песенной стихии, смело берет формы и приемы мировой поэзии и умело переносит их на аварскую почву. Не дерзок ли обращаться к четверостишиям и восьмистишиям после Омара Хайяма или к сонетам вслед за Шекспиром? Думаю, дерзок. Но эти формы не просто перенесены после некоторой холодной обработки, а переплавлены отменным мастером. Самое важное еще в том, что в них влило новое содержание. Потому они обогатили аварскую поэзию, стали явлением во всей нашей многонациональной литературе.

Творения Расула Гамзатова близки и дороги людям разных стран тем, что в них глубина мысли гармонирует с завершенностью образа, осуждение зла является продолжением борьбы за добро, любовь к своему народу в них сочетается с искренним уважением и любовью к другим народам, живущим под одним солнцем, под одной луной. Творчество его напоминает сообщающиеся сосуды, где национальное и интернациональное находятся на одном общем уровне.

...Передо мной пять томов сочинений Расула Гамзатова. Мы уже можем говорить не только о большом вкладе Расула Гамзатова в советскую литературу, но и о его несомненном добром влиянии на творческое самочувствие многих писателей своего поколения и более младших. У великих предшественников мы учимся сознательно, а мастера-сверстники учат нас помимо нашего и их желания. Учат, не подозревая об этом. Я один из тех, кто постоянно находит опору и утешение в том, что есть у нас Расул Гамзатов и его поэзия.

Став одним из лучших поэтов своего времени, Расул Гамзатов перекинул мост в будущее.

Ты или время — кто сильнее из вас?
Скажи, поэт, ты победил
хоть раз? —

спрашивал он когда-то. Время само ответило ему: «Ты победил, Расул!»

С победой тебя, друг!

Мустай КАРИМ.

г. Уфа.